

Лян Цзивэнь выстроил голых хулиганов в ровный ряд, словно трупы, поставив Цюй Хэ самым последним. Сначала он нашел дрова, чтобы разжечь костер — так Лян Сысы и Лян Тин могли всё разглядеть, а лишь потом нажал на точку, блокирующую речь, у первого парня. Тот тут же начал орать.

— Т.м., ты чего творишь? Ты знаешь, кто я такой? Я тебя, ах—!

Лян Цзивэнь, конечно, понятия не имел, кто они такие, да и какая разница, если бы знал? Когда он всерьез хотел проучить человека, слова того не имели никакого значения, и он никогда не оставлял улик. Найдя нужное место на теле первого, он ущипнул небольшой кусочек кожи, провернув его на 720 градусов, и «Первый» тут же взвыл. В этот момент Лян Цзивэнь смешал различные лекарственные порошки с грязью, скатал шарики и заставил парней проглотить их.

Эти порошки действовали с отсрочкой, эффект начинал проявляться только после того, как всё закончится, что во многом сводило риск к минимуму. К тому же, как ни проверяй и к какому врачу ни обращайся, эти средства не обнаружить — просто обычные травы с небольшой добавкой галлюциногена. Боль воздействовала напрямую на психику. Лян Цзивэнь раньше сам принимал подобные снадобья, тренируя устойчивость к боли и лекарствам. Процедура не вредила здоровью, а после боли даже укрепляла организм, просто страдать было невыносимо. Хорошее средство имеет сильный эффект, но чем сильнее действие, тем сильнее и боль.

Хотя порошки и были мощными, он не собирался давать им передохнуть в ближайшие дни. На «Первом» он провел эксперимент: выбивал места с самой толстой кожей, щипал самые чувствительные точки, используя свои навыки. «Первый» был доведен до того, что готов был прикусить язык, чтобы покончить с собой, но там, где поработал Лян Цзивэнь, не осталось ни следа, ни царапины, ни даже красноты.

Порошки заставляли страдать, но где же было то самое удовлетворение от битья врукопашную?

На «Первого» Лян Цзивэнь потратил всего полминуты. Он выстроил их по порядку, ориентируясь на свежие следы на телах: чем больше следов, тем активнее дрались с его сестрой. У Цюй Хэ следов было немного, но он был зачинщиком, и Лян Цзивэнь не собирался проявлять к нему снисходительность.

Покончив с «Первым», Лян Цзивэнь оставил его в покое: у того текла слюна, конечности подергивались, он мычал, и взгляд от боли расфокусировался. Лян Цзивэнь не связывал его и не блокировал речь. Если тот смог бы убежать — это был бы настоящий талант.

— Ты... ты не подходи! Тебе деньги нужны? Отпусти меня, сколько угодно дам!

«Второго» напугали крики «Первого». Тот выкрикивал только одно «А», что и было показателем настоящей боли.

Лян Цзивэнь не стал тратить время на пустые разговоры. На «Второго» у него ушло секунд тридцать. Он по привычке заставил его проглотить порошок, и «Второй», еще не получив ударов, уже начал рвать, пытаясь вызвать рвоту. Все знали: если сейчас насильно пихают что-то в рот — добра не жди.

Лян Цзивэнь не дал ему шанса, ловко вывихнув руку. Челюсть он не трогал нарочно: пусть кричат от боли, чтобы Старший дядя Лян и Папа Лян могли их найти по звукам, а Лян Сысы и Лян Тин успели вернуться.

Существовал метод психотерапии, называемый «имплозивной терапией» — «разматывание» нити тем, кто её запутал. Если показать жертве, как мучают того, кто нанес ей травму, это может помочь облегчить состояние. Но есть риск, что это пробудит воспоминания и усугубит психологическое потрясение. Лян Цзивэнь верил в Лян Сысы и Лян Тин: они не сломаются от этого.

Метод Лян Цзивэня был прост и груб. Он кое-что знал о психологии, но использовал эти знания лишь для саморегуляции, так что помочь по-другому не мог. Единственное, что он мог сделать — это жестоко отомстить за них.

Он вывихнул ногу «Второму», затем вправил руку, скрутил её веретеном, и снова вправил ногу. И вывих, и вправление суставов — процессы невероятно болезненные. Момент смещения кости происходит быстро, но боль длится долго. Лян Цзивэнь обладал огромной силой: один его удар мог разорвать внутренние органы, но он не совершал таких ошибок. Он причинял адскую боль, не повреждая внутренних органов, лишь многократно усиливая страдания.

Двигаясь дальше, он оставлял за собой след из криков. У «Первого» еще оставались силы для криков, у «Второго» — для мольбы, а вот у «Третьего» по «Седьмого» шансов не было никаких. Лян Цзивэнь спешил: как только разблокировал точки, тут же начинал избивать, без лишних слов. Когда очередь дошла до Цюй Хэ, оставалась полторы минуты. Лян Цзивэнь обладал отличным слухом, и его усилия не пропали даром: на фоне воплей первых семерых было отчетливо слышно, как командир отряда с огромной толпой людей уже приближается к этому месту.

— Основные силы будут здесь максимум через две минуты. Давайте воспользуемся последним моментом и нормально пообщаемся.

Это спокойное заявление Лян Цзивэня напугало Цюй Хэ до потери контроля над мочевым пузырем. Лян Цзивэнь с чутким обонянием недовольно нахмурился и пнул его прямо в пах.

— Аааааааа...

Голос Цюй Хэ мог, казалось, расколоть небо.

Лян Цзивэнь оставил Цюй Хэ напоследок не только, чтобы проучить подольше, но и чтобы тот как можно дольше пребывал в страхе. Когда психологический ужас достигает определенного уровня, физическая боль ощущается вдвое острее. Ожидание мучений в неизвестности, когда не знаешь, какая боль ждет в следующую секунду, постепенно сводит человека с ума. Цюй Хэ еще не сошел с ума, но был уже недалеко от этого.

С таким отродьем он не церемонился, применив к Цюй Хэ все приемы, что использовал ранее. Цюй Хэ лежал, как грязная тряпка, уткнувшись лицом в землю, пустыми глазами глядя на землю перед собой.

Когда Лян Цзивэнь закончил с Цюй Хэ, шум основной группы людей стал уже очень явственным. Лян Сысы и Лян Тин, похоже, услышали крики Старой тети Лян и Мамы Лян. Лян Цзивэнь свалил всех восьмерых в кучу. Лян Сысы и Лян Тин, казалось, поняли, что всё вот-вот закончится. Они вдруг бросились вперед и начали яростно колотить эту кучу тел кулаками и ногами, их короткие ногти оставили множество царапин на лицах и телах насильников.

Эта компания уже была избита Лян Цзивэнем, и каждый удар девочек ощущался как соль на ране, но у них просто не оставалось сил даже на крик. Они лежали, как мертвые собаки, позволяя им себя бить.

Когда командир отряда с людьми подошел, он увидел картину, как Лян Сысы и Лян Тин в исступлении долбят лежащих. Старая тетья Лян и Мама Лян, не приходя в себя от ужаса, бросились к своим дочерям. Увидев их жалкое состояние, они разрыдались. Лян Сысы и Лян Тин застыли, когда их обняли матери, а потом Лян Тин громко разревелась. Лян Сысы все еще пребывала в оцепенении и очнулась только после того, как мать несколько раз потрясла её.

— Мама, ва—!

Она сама не знала, зовёт ли она маму или просто кричит, но плакать начала. Там матери с дочерьми рыдали в объятиях друг друга, а здесь командир отряда и Лян Цзивэнь смотрели друг на друга. Командир первым пришел в себя и велел дедушке Чжаню и еще одному врачу из бригады осмотреть пострадавших.

— Молодец, Лян Цзивэнь! Настоящий мужчина вырос! — Командир хлопал Лян Цзивэня по плечу и громко смеялся, выказывая огромное удовольствие. — Лян Цзивэнь, это дело мы обязательно сообщим в коммуни. Нам обязательно должны дать справедливость!

После всей этой суматохи Лян Сысы и Лян Тин немного пришли в себя. Старая тетья Лян и Мама Лян хотели увести их обратно к колонне, но те, увидев столько народу, не могли сделать ни шагу. Дедушка Чжань подошел осмотреть девочек и от гнева лишь выдохнул:

— Грех это! Какое злодеяние!

Он успокоился, провел простой осмотр и сказал Старой тети Лян и Маме Лян:

— Внешние повреждения. Лечить нужно тщательно. Я приготовлю мазь для наружного применения, будете аккуратны эти дни — шрамов не останутся.

Дедушка Чжань был им знаком, но девочки всё равно сопротивлялись, и Старой тети Лян с Мамой Лян пришлось силой удерживать их, пока врач проводил осмотр.

<http://bllate.org/book/16557/1510794>